

ВОЕННОПЛЕННЫЕ НА УРАЛЕ В 1917 г.: НОВЫЕ УСЛОВИЯ — НОВЫЕ РОЛИ

Вплоть до конца XX в. иностранные военнопленные, поневоле оказавшиеся на территории России в результате Первой мировой войны, в качестве самостоятельного объекта исследования практически не изучались, равно как и институты, порожденные практикой плена. Концентрация научного интереса вокруг героических страниц революционной борьбы пленных породила обширную историографию о войнах-интернационалистах [1], в которой реалии плена обозначены весьма избирательно.

Представления советской исторической науки о роли пленных иностранцев в революционном движении в России, изрядно «заблоченные» атакистскими идеологиями, подверглись в последние годы некоторой корректурке [2]. Современныe авторы, по сути, наполнили эту проблему иным содержанием, показав, что русский плен во многом был отражением системного кризиса империи, отчетливо обозначившегося на фоне затянувшейся войны.

Интегрирующим фактором для специальных исследований ретроспективной проблематики стало позиционирование плена как некой динамики конкретно-исторических феноменов и как сегмента универсального опыта человечества одновременно. Внутренность территориальных пределов страны априори исключала однородность реалий военного плена на местах. Множественность пространственного контекста, создающая иллюзию замыкания исследовательских усилий в узких регионально ориентированных рамках, на самом деле более или менее успешно препятствует схематизации картины прошлого. Одной из ее вариатив стала уральская составляющая плена Первой мировой войны, отличная от прочих в силу специфики местного хозяйственного организма.

Сразу следует отметить, что к 1917 г. военнопленные иностранцы давно стали обыденной реальией жизни региона. Уже к концу 1916 г. на Урале работало порядка 55 тыс. вражеских военнослужащих, что составляло почти 30 % от общего числа занятых в промышленности, а в отдельных предприятиях — и того более [3]. Так, среди 34404 рабочих Богословского горнозаводского общества насчитывалось 15610 чел. пленных, или 45,3 %; среди 12669 рабочих Алапаевских горных заводов — 5237 чел., или 41,5 %; среди 11833 чел., занятых на предприятиях Общества Кыштымских горных заводов, пленных было 4388 чел., или 37,2 %; из 1629 рабочих Никольского чугуно-плавильного завода Н.Ф. и С.Ф. Злоказовых пленные составляли 634 чел., или 38,9 %; из 8102 рабочих Ревдинских горных заводов — 2713 чел., или 33,5 %. Особенно высокой доля пленных была на предприятиях наследников П.П. Демидова, князя Сан-Донато: на Луньевских и Егоршинско-Бобровских каменноугольных копях она составляла соответственно около 35 % и 60 %, на Выйском заводе — 82 %, на вспомогательных работах Нижне-Тагильского и Луньевского округов — 55 % [4].

К началу 1917 г. практически на всех предприятиях Урала, где были заняты военнопленные, начались перебои в поставках провианта и предметов первой необходимости. 21 января [5] 1917 г. в «Записке о препятствиях, мешающих Ревдинскому горному округу П.Г. Солодовникова развить наибольшую возможную производительность...» указывалось:

«Округ имеет 4600 пленных, забота о продовольствии которых лежит на обязанности заводоуправления, при чем муки серой почти не поступает (за январь 2 вагона из назначенных 20) и пленных приходится довольствоваться крупчаткой» [6]. Управляющий Нижнетагильского и Луньевского горных округов сообщал высокой комиссии, что отсутствие на местных рынках махорки «в сильной степени отзывается на интенсивности работы военнопленных и других рабочих» [7]. В марте 1917 г. начальник Гороблагодатского горного округа в ответ на пришедшее из Екатеринбурга, от уполномоченного председателя Особого совещания по топливу в Уральском районе профессора П.П. Веймарна, предложение о присылке в округ еще 1 тыс. пленных с целью увеличения числа рубчинок сетовал, что при полной необеспеченности продовольственными продуктами гораздо более важен вопрос о сохранении хотя бы имеющихся [8].

На фоне актуального состояния дел в империи протестная мобилизация военнопленных была лишь делом времени. Прозорливый заведующий Усть-Сылвицкого (Коноваловского) завода в рапорте на имя горного начальника Гороблагодатского округа уже в январе 1917 г. характеризовал насущную ситуацию так: «Военнопленные — это самый больной и трудный вопрос Усть-Сылвицкого завода. При выходе на работу военнопленные теряют связь со своими комендантами и превращаются в беспорядочную толпу — избалованную и своевольную. К этому присоединяется полное недоверие пленных к администрации, укоренившееся благодаря нарушению даваемых обещаний...» [9].

В 1917 г. отношения военнопленных с местными властями и обывателями превратились в серьезный источник социальной напряженности. В начале марта 1917 г. «хлебная проблема» стала причиной забастовки пленных в Каслях. 300 чел., будучи недовольны тем, что им вместо белого хлеба выдали черный, отказались от работ. Именно тогда до уральской глубинки докатились известия о свершившейся в Петрограде революции, что привело к замешательству местных властей. Полиция оказалась разоруженной, и прекратить беспорядки удалось только с вмешательством уездного воинского начальника [10].

В конце апреля — начале мая 1917 г. забастовали пленные, работавшие на первом участке Северо-Восточной Уральской железной дороги. Волнения, причиной которых послужило «поведение» начальника участка и старшего рабочего, удалось пресечь путем взаимных уступок. В то же время забастовали пленные на гончарном заводе П.Ф. Давыдова, требуя повышения, по их мнению, слишком скромной заработной платы [11].

В мае — июне 1917 г. тревожное положение сложилось на стройке так называемой Казанбургской железной дороги. Здесь, на выемке Рогальского, 4 дня не работали 25 немцев, «почин» которых вскоре поддержали отправленные на сооружение тоннеля № 5 итальянцы [12]. Практически параллельно случились волнения пленных на Смирновском руднике, что при Карабашском заводе. Их удалось подавить только с помощью милиции, и, хотя пленные и вышли на работу, их настроение оставалось «угрожающим» [13].

5 октября 1917 г. несколько десятков пленных бросили работу в Омутнинском заведении Южного участка печного углежжения. Они выяснили, что русским рабочим, работавшим здесь же, 4 октября была выдана заработная плата, в то время как военнопленным местная администрация задолжала оплату труда за два месяца. Через своего делегата, Г. Шлисенберга, пленные заявили, что при таком содержании проработают максимум две недели. Конфликт был исчерпан лишь после

того, как пленные получили свой августовский заработок, отчасти за счет займа у других рабочих. При этом руководство предприятия небезосновательно опасалось, что в условиях «дороговизны содержания, приобретаемого ими на месте, и малого количества отпускаемого им хлеба» волнения военнопленных будут продолжаться и впредь [14].

Проявлением радикализации настроений пленных стали также участвовавшие побеги, принявшие к осени 1917 г. «эпидемический характер» [15]. Было очевидно, что объяснить это явление только неудовлетворительной организацией охраны и надзора уже невозможно. Глядя в корень проблемы, администрация Нижнетагильского и Луньевского горных округов полагала, что побеги военнопленных связаны прежде всего с расстройством механизмов управления как на местах, так и в центре: «...Заводская стража военнопленных, находясь в формальном подчинении милиции, испытывала на себе влияние этого переходного времени и далеко не всегда получала достаточно определенные и твердые подтверждения своих обязанностей со стороны органов власти в лице милиции и упразднившегося теперь Комитета общественной безопасности... Сюда надо отнести ... общеполитические условия, подсказывающие военнопленным мысль о сравнительной легкости добраться до границы» [16]. «Усиленные побеги, забастовки и бунты» [17] пленных иностранцев в 1917 г. обнурили весьма примечательную трансформацию их ролевого статуса. Если раньше их пребывание в пределах Российской империи в целом и Уральского региона в частности определялось главным образом логикой адаптации к локально-темпоральным реалиям, то теперь она уступила место логике интеграции пленных в событийный контекст российской действительности. Не случайно наряду с экономическими требованиями военнопленные декларировали и свои политические пристрастия. Доказательством тому стали живые отклики пленных на мартовские события в Петрограде (Февральскую буржуазно-демократическую революцию). К примеру, пребывавшие в Нижнем Тагиле чешские солдаты не только подписали «радостное и восторженное приветствие победы великого и светлого дела — освобождения русского народа от ига, которое до сих пор его угнетало...», но и пожертвовали в пользу «семей павших борцов за свободу» более 230 рублей [18].

То, что внушительная часть поверженных вражеских военнослужащих восприняла свержение самодержавного строя в России как предвестник либерализации режима плена в том числе, оказалось большим сюрпризом для властей. Попытки военнопленных «применить и по отношению к себе объявленную свободу граждан Российского Государства» [19] 19 апреля 1917 г. недвусмысленно прокомментировал военный министр Временного правительства А. Гучков: «Жительство на частных квартирах, свобода передвижения в пунктах квартирования, свобода собраний, профессиональных и религиозно-просветительных союзов и т.п. — все это такие требования, которые противоречат самому понятию состояния плена, неразрывно связанному с ограничением свободы» [20]. Однако в условиях стремительно нарастающей архаизации социально-экономических структур и зримых изменений социально-политического ландшафта «брожение» среди пленных закономерно продолжалось. Спустя полгода, 17 октября 1917 г., начальник штаба Казанского военного округа констатировал, что побеги пленных и их выступления оставались приметой времени [21].

Главной причиной недовольства, а, следовательно, и катализатором революционной активности военнопленных была алогичная по своей природе политика старых и вновь возникших в течение 1917 г. органов

власти. Так, 16 июля 1917 г. Главное управление Генерального штаба признало необходимым в целях пресечения побегов ввести в практику кеймение выдаваемого военнопленным платья [22].

С 1 сентября 1917 г. по решению военного министра и министра торговли и промышленности Временного правительства была реорганизована системы оплаты труда бывших вражеских военнослужащих. Циркуляр за № 3727 от 4 августа 1917 г., согласно которому на руки каждому пленному выдавалось от 20 до 50 коп. за рабочий день в зависимости от продуктивности работ, значительно ухудшил их материальное положение, едва ли серьезно поправив финансовую ситуацию в стране [23].

В сентябре же 1917 г. Центральный комитет по делам о военнопленных при Главном управлении Российского общества Красного Креста постановил «отобрать у военнопленных излишние запасы штатского платья и белья и обязать сдать в депозит все деньги, оставить на руках лишь ограниченную сумму (не более 15 руб. в месяц)» [24].

На местах пошли еще дальше. По распоряжению пермского губернского комиссара за № 2243 от 21 июля 1917 г. в отношении пленных был введен комендантский час. Им категорически запрещалось появляться на улицах и вообще вне мест квартирования после восьми часов вечера [25].

В сентябре 1917 г. управляющий Нижнетагильского и Луньевского округов узаконил коллективную ответственность пленных за побег. Идея круговой поруки, по существу, предполагала ухудшение положения всех военнопленных за побег самых отчаянных [26].

Советы, повсеместно возникшие после Февральской революции, также не отличались терпимостью в отношении пленных иностранцев. Так, по решению Бродокалмакского волостного совета сельских депутатов для военнопленных была установлена минимальная норма потребления продуктов и запрещено разведение свиней [27].

Совет солдатских депутатов в Невьянском заводе постановил не только ужесточить режим содержания военнопленных, но и подвергать их «за небрежную работу и отказ от таковой» более жесткому наказанию с последующим переводом на грязные и более тяжелые работы [28].

8 декабря 1917 г. Совет рабочих депутатов Верх-Исетского завода предписал заводоуправлению «пленных, которые работают и желают работать, тех пленных перевести в лучший барак и выдать им теплые вещи для работы, а которые не желают работать, у тех отобрать заводские вещи и передать тем, которые желают работать» [29].

Очевидно, для военнопленных так и осталось загадкой, почему в стране победившей демократической, а затем и социалистической революции, где все самое доброе и светлое, казалось бы, должно восторжествовать, их положение только ухудшалось. В этой связи участие пленных иностранцев в беспрецедентных турбуленциях российского социума 1918–1920-х гг. никого из современников не удивило. Не удивительно и то, что ряды пленных, как и все российское общество, оказались расколотыми в период бескомпромиссной Гражданской войны.

Примечания:

1. См. об этом, напр.: Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке, 1917–1922 гг. К истории советско-венгерских интернациональных связей: Сб. статей. М., 1980; Данилов В.А. Великий Октябрь и иностранные военнопленные на Урале и в Сибири // Ученые зап. Свирл. и Тюмен. пед. ин-тов. Сб. 151. Историч. Вып. 3(8). Свердловск, 1970; Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов. М., 1967; Интернационалисты в бой за власть Советов. М., 1965; Колмогоров Н.С. Красные

- мадьяры. Новосибирск, 1970; Комарова Ф.А. Интернационалисты зарубежных стран в борьбе за власть Советов в России. М., 1958; Краснов В.Г. Интернационалисты на фронтах гражданской войны. М., 1989; Манусевич А.Я. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. Февраль — октябрь 1917. М., 1965; Попов Н.А. Революционные выступления военнопленных в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 1963. № 2; Хильченко М. Интернационалисты на Урале в период Великой Октябрьской социалистической революции // Осуществление принципов пролетарского интернационализма в процессе социалистической революции. Свердловск, 1974; и др.
2. Полторац С.Н. «Красная» и «Белая» Россия: два взгляда на проблему российского гражданства бывших военнопленных Первой мировой войны // Новый часовой. СПб., 1996. № 4; Солнцева С.А. Военнопленные в России в 1917 г. (март—октябрь) // Вопросы истории. 2002. № 1; Субаев Н.А. Мусульманские общественные организации в России и турецкие военнопленные 1915–1918 годы // Языки, духовная культура и история тюрков: история и современность. Тр. Междунар. конф. В 3-х т. Т. 1; Целищев О.А. Немецкие пленные Первой мировой войны в Башкирии после Октябрьской революции (1918–1922 гг.) // Немцы на Урале и в Сибири. Материалы науч. конф. Екатеринбург, 2001; и др.
3. Доклад Совета XXII Очередному Съезду Горнопромышленников Урала об обеспечении уральских горнозаводских предприятий рабочими, в связи с войной. Пг., 1917. С. 1–10.
4. Ведомость о количестве рабочих, занятых в горной промышленности Урала на 1-е октября 1916 г. // Доклад Совета XXII Очередному Съезду ... С. 18–24.
5. События и факты датируются по старому стилю.
6. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 14. Д. 977. Л. 15 (об).
7. ГАСО. Ф. 24. Оп. 14. Д. 985. Л. 32–33.
8. ГАСО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 44. Л. 33.
9. ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 981. Л. 6.
10. ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 63. Л. 23.
11. Уральская жизнь. 1917. 6 мая.
12. Зауральский край. 1917. 7 июня; Пермский вестник Временного правительства. 1917. 11 июня.
13. Зауральский край. 1917. 7 июня.
14. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3995. Л. 108–110.
15. Там же. Л. 90.
16. Там же. Л. 90, 90 об.
17. ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 5641. Л. 71.

А.А. Сухарев
Екатеринбург

ПРОЦЕДУРА ВЫБОРОВ В ТЮМЕНСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ

Тюменский городской Совет был создан в 1917 г., по инициативе части социальных низов. Этот орган был отражением их представлений о народной власти в отличие от городской думы, продолжавшей существовать, хотя и на более демократических основаниях, нежели раньше. После чехословацкого мятежа 1918 г. и взятия Тюмени «белыми» Совет был упразднен. В августе 1919 г. Красная Армия вновь вернула город в руки советской власти, а управление перешло в руки вновь созданного Военно-революционного комитета. Летом 1920 г. в Тюмени ревком принял решение о передаче власти горсовету, который был избран в октябре 1920 г. За исследуемый период (1920 – 1925 гг.) состоялось пять избирательных кампаний.

Основополагающим документом, регулирующим принципы выборов, была Конституция РСФСР 1918 г. В начале 1920-х гг. был принят ряд законов, детально регулирующих ход выборов в Тюмени. Это «Положение о выборах в Тюменский городской Совет» 1920 г., «Положение о Тюменском городском Совете» 1920 г. и «Инструкция Тюменского городского Совета» 1922 г.

По Конституции 1918 г. право активного и пассивного избирательного права представлялось лицам, достигшим 18-летнего возраста (местные Советы имели право понизить эту норму) без различия вероисповедания, национальности, пола, оседлости и прочих ранее действовавших цензов.